

СЛЕДУЯ БОЕВЫМ ТРАДИЦИЯМ

Осенью сорок четвертого, накануне трехмесячного сражения за Будапешт, этот человек вступил в неравный бой с фашистами. Он повсюду громко заявлял о своей ненависти к Гитлеру, презирая гестаповских осведомителей. Если приходилось встречаться с товарищами на улицах ночного затемненного города, он зажигал карманный фонарь, демонстративно игнорируя фашистские порядки.

Наконец, от опасной игры он перешел к настоящему делу. Через приятеля, служившего в одном из городских учреждений, ему удалось добыть бланки. Эти бесценные бумажки, заполненные соответствующим образом, могли сохранить жизнь людям, за которыми охотились салашисты. И он устанавливает связь с коммунистами, укрывавшимися в глубоком подполье. Благодаря ему было спасено немало людей...

При одной из облав его схватили. После мучений в тюрьме Будапешта он принял смерть в концлагере в Шопоне, никого не выдав. И никто не знает, как умер этот бесстрашный человек...

Звали его Арпад Хорват. Он был режиссером Будапештского национального театра, а в последние годы своей жизни художественным руководителем театра «Виг», одним из самых известных театральных деятелей венгерской столицы. В 1943 году Хорват уходит с официальной службы: «Пока эти негодяи сидят у нас на шее, — пишет он о фашистах, — я не играю в театре. Сейчас игра идет не на жизнь, а на смерть».

Мне давно хотелось больше узнать об этом замечательном человеке. И вот, просматривая обширный архив Института театра ВНР, я, наконец, с трепетом перелистываю собственноручные записи, эскизы статей, планы будущих книг Арпада Хорвата. Почерк выдает натуру пылкую, темпераментную. Записи делаются на клочках бумаги, на обложках театральных буклетов. В годы белого террора, когда хортисты стремились изгнать из сознания людей малейшие воспоминания о Венгерской Советской республике, Арпад Хорват пишет: «Революционеру искусства, если он в самом деле революционер, необходимо стать революционером общества».

Эту идею он пронес через всю свою яркую недолгую жизнь.

В хортистской Венгрии с ее идеологией ярого фашистского национализма, с театральным официозом, расчитанным на вкус самодовольных бюргеров с насаждением на сцене примитивно-

го натурализма, дешевых драматургических поделок, являлся ли такой человек, как Хорват, смельчаком-одиночкой?

Нет, он не был одинок.

На одном из будапештских спектаклей с участием Миклоша Габора, восхищаясь игрой актера, я разговорила с соседом — пожилым театралом. «Помню Габора еще юношей, — рассказал мне он. — В 1941 году Габор участвовал в театральных вечерах Сопротивления. Тогда, правда, мало кто мог предположить, что молодой чтец станет одним из самых выдающихся венгерских артистов...»

Вечера Сопротивления в 40-е годы! Еще одна героическая страница в истории национальной сцены. Как родилась она?

В 1941—1942 годах, когда хортисты толкнули Венгрию на преступный союз с гитлеровцами и послали на поля сражений в Советский Союз сотни тысяч венгерских солдат, когда националистическая пропаганда взахлеб трубила о военных «доблестях» завоевателей, трудно было подобрать эзопов язык для антифашистского театра! И тогда коммунисты Ференц Хонт, Тамаш Майор, выдающийся венгерский поэт Миклош Радноти (он погиб в 1944 году в концлагере) решили обратиться к классике.

Петефи и Чоконаи из XIX века заговаривали со своими соотечественниками о свободе и национальной совести; революционный поэт Эндре Ади и пролетарский певец Аттила Йожеф зазвучали из недалекого прошлого, призывая покончить с позорной войной, с ярмом фашизма.

Вечера поэзии имели небывалый успех — на каждый из них собиралось не менее 2.500 зрителей. Бурными аплодисментами выражали они солидарность с пламенными призывами глашатая правды и свободы. Именно тогда широкая публика узнала актера Миклоша Габора, декламировавшего то стихи Петефи, то «Приветствие Томасу Манну» Аттилы Йожефа.

Реакционная салашистская пресса неистовствовала: «Запретить актерам Национального театра участвовать в вечерах поэзии! Иначе им не место на государственной сцене!»

В марте 1944 года гитлеровцы, оккупировавшие страну, развязали в Венгрии неистовый террор. Не выдержал потрясения и покончил с собой прогрессивный режиссер Андор Пюнкешди, руководитель Театра имени Мадача.

Но не дрогнули ряды бойцов венгерского театрального Сопротивления. Такие, как Майор, ушли в подполье, а

Ференц Хонт в конце войны оказался вместе с советскими партизанами.

Немало интересного мне довелось услышать от Хонта. И трудно было поверить, что этот занимательный рассказчик с ярким юмором и тонкой иронией — один из самых крупных ученых Венгрии, доктор искусствоведения, автор многих трудов по истории и эстетике театра. Свою деятельность он начинал как режиссер.

Любители театра знают о знаменитых сегедских театральных фестивалях на открытой сцене, где участвуют и итальянские оперные труппы, и советский балет, и крупнейшие художественные коллективы из социалистических стран.

А все началось со смелого замысла молодого режиссера Ференца Хонта, задумавшего поставить на подмостках этого массового театра спектакли «Независимой сцены». В самом названии содержался протест, ибо «Независимая сцена» возникла как антипод зависимого от хортистской пропаганды, чуждого народу официального театра.

Сегедские энтузиасты не боялись смелых новаций и прежде всего стремились обеспечить себе широкую демократическую аудиторию. Были организованы специальные «театральные поезда», привозившие на спектакли в Сегед рабочих и крестьян из других городов Венгрии. Плата взималась небольшая, к тому же абонементы «Независимой сцены» продавались на льготных условиях, в рассрочку.

Ференц Хонт и его коллеги мечтали об общедоступном театре для трудящихся масс, театре высоких гуманистических идей. Их взор обратился прежде всего к эпохальному произведению венгерской литературы — «Трагедия человека» Имре Мадача.

Есть в пьесе сцена французской революции, — рассказывал Хонт. — Мы решили ее построить таким образом, чтобы движению масс статистов (а их было 200 человек) вторило движение огромных двухметровых полотен белого, синего и красного цветов. Во время спектакля якобы случайно белое и синее полотнища из-за кулис не вынесли и сцена превратилась в манифестацию с красным знаменем. Успех был грандиозным, публика скандировала... Я, конечно, объяснил полиции, что произошла «техническая увязка». Но особенно не понравился властям другой эпизод из нашей постановки. В сцене разговора Евы с Люцифером текст о приходе Мессии, освобождавшего человечество от тьмы, сопровож-

дался появлением вифлеемской звезды. Вместо обычной, многолучевой мы подняли огромную пятиконечную красную звезду... Да, пришлось прибегать к разным ухищрениям.

И тем не менее полиция в 1939 году запретила «Независимую сцену». Тогда ее участники перешли к новой «легальной» форме борьбы — всевозможным литературным и музыкальным вечерам.

26 апреля 1941 года Ференц Хонт и его товарищи поставили спектакль, посвященный Советской стране. Представление назвали «Сегодняшний театр от Монголии до Карпат» (то есть территория СССР). Со сцены собравшиеся услышали песни народов СССР, увидели диапозитивы, рассказывавшие о жизни советских людей (диапозитивы были предоставлены посольством СССР).

Прерывать спектакль полиция не решилась, но после окончания искала постановщика Хонта. Однако он предусмотрительно принял приглашение советского консула и уехал на его машине...

◇

Что может быть менее сопоставимо — подполье и театр, искусство живое, требующее широкой огласки. И тем не менее нелегальный театр действовал. Под тройными кордонами рабочих пикетов, на квартирах и в частных домах в буржуазной Венгрии игрались революционные спектакли, ставились пантомимы.

Афиш и билетов не сохранилось — зрители приглашались устно и только свои, надежные. Не сохранилось и текстов постановок — их разучивали со слов режиссера наизусть.

Так в трудные годы борьбы с фашизмом все они — и прогрессивная сегедская театральная молодежь, и передовые деятели профессиональной сцены, и рабочая гвардия самодеятельности — мечтали и боролись за новый свободный театр.

...Арпад Хорват, скрываясь от преследований фашистов, улачивает спокойные минуты, чтобы написать свое последнее сочинение: план переустройства театрального дела в будущей народной Венгрии.

В начале победного 1945 года собрались все те, кого Хорват прочил в состав новой дирекции театров. Не было только его самого. Но театр Венгрии живет по его заветам, сохраняя свои революционные, боевые традиции.

Галина ЧЕЛОМБИТЬКО,
кандидат искусствоведения.
БУДАПЕШТ — МОСКВА.